

Хольмстрем Ирина Николаевна

ВЕНЕЦИЯ КАК СОБЫТИЕ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматриваются стихотворения современных итальянских поэтов, посвященные Венеции. Встреча с городом: его историей, архитектурой, карнавалом, музыкой, живописью и литературой – становится главным событием, получающим свое завершение в стихотворных строчках, в межтекстовых взаимодействиях с другими произведениями, составляющими "венецианский текст" итальянской лирики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 208-211. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 801.73

Филологические науки

В статье рассматриваются стихотворения современных итальянских поэтов, посвященные Венеции. Встреча с городом: его историей, архитектурой, карнавалом, музыкой, живописью и литературой – становится главным событием, получающим свое завершение в стихотворных строчках, в межтекстовых взаимодействиях с другими произведениями, составляющими «венецианский текст» итальянской лирики.

Ключевые слова и фразы: Венеция; событие; итальянская поэзия; венецианский текст; межтекстовые связи.

Хольмстрем Ирина Николаевна, к. филол. н.

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
ikholmstrem@mail.ru*

ВЕНЕЦИЯ КАК СОБЫТИЕ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ[©]

*Кафе Куадри, баутта, карнавал...
Время не властно над старым сюжетом:
Музыка Вивальди,
Просекко бокал,
На стенах картины
Тьеполо и Тинторетто...
Ирина Хольмстрем*

Для современного научного дискурса актуальна проблематика события. Рассмотрение феномена события в работах ряда ученых (А. Бадью, М. Бахтин, Н. Бердяев, А. Грякалов, Э. Гуссерль, Ж. Деррида, Э. Левинас, И. Смирнов, М. Хайдеггер, С. Хоружий и др.) свидетельствует о признании ценности эстетического опыта, переживаемого человеком, так как событие «всегда эстетично» [2, с. 23]: событие включает в себя деятельную позицию участника, который осмысливает и оценивает происходящее. Событийность получает свое завершение в эстетической деятельности поэта.

Встреча с Венецией, городом красоты и любви, для поэтического сердца становится событием. Венеция создана для того, чтобы притягивать к себе творческих людей, способных увидеть и понять ее красоту: поэтов и художников, музыкантов и литераторов, с которыми Венеция ведет разговор. Венеция становится городом «всех дорог» («*Venezia di tutte le strade*» F. Montanari, «Венеция всех дорог» Ф. Монтанари).

Шесть стихотворений современных итальянских авторов – это признание в любви Венеции: *Monia Cacciero «Maschere a Venezia», Vincenzo Capitanucci «Venezia, Amore mio», Arnaldo Fusinato «Le ultime ore di Venezia», Bruno Gasparri «La mia Venezia», Federico Montanari «Venezia di tutte le strade», Luca Vincenzo Simbari «A Venezia»* (Мония Каччеро «Маски в Венеции», Винченцо Капитануччи «Венеция, Любовь моя», Арнальдо Фузинато «Последние часы Венеции», Бруно Гаспарри «Моя Венеция», Федерико Монтанари «Венеция всех дорог», Лука Винченцо Симбари «В Венеции»).

Переживание чувства любви и сопричастности городу является основным мотивом этих стихотворений. Вопросы перевода иностранного текста на русский язык заслуживают отдельной исследовательской работы [5].

Каждое стихотворение о Венеции открыто для взаимодействия с другими поэтическими и прозаическими текстами о Венеции. Эта открытость возможна благодаря системе повторяющихся образов и мотивов (площадь Сан Марко, дворец Дожей, каналы и мосты, гондолеры и др.), позволяющих сразу узнать «венецианский текст». Событие встречи и разговора с городом продолжается и развивается от одного стихотворения к другому, преодолевая границы текста:

*Di ricordi una pioggia,
guardo le foto della mia Venezia,
è festa oggi,
il canal Grande è pieno di gondole,
in questo mondo non c'è città più bella.
Il campanile di San Marco è in piazza
con i suoi colombi innamorati
si specchia come un palo nelle acque della laguna.*

Bruno Gasparri. *La mia Venezia* (Бруно Гаспарри. Моя Венеция) [9].

«Дождь воспоминаний, / я смотрю на фотографии моей Венеции, / сегодня праздник, / Большой канал полон гондол, / в этом мире нет города красивее. / Кампанила собора Святого Марка на площади / со своими влюбленными голубями / отражается, как мачта в водах лагуны» (перевод автора – И. Х.).

Эта открытость события «создает основание для представления целостности, особой событийной целостности... сохраняющей в своей данности следы предшествующих опытов понимания» [2, с. 30-31]. Так рождается

«венецианский текст» в итальянской литературе, который, как и «петербургский текст», «принадлежит к числу тех сверхнасыщенных реальностей, которые немислимы без стоящего за ними целого и, следовательно, уже не отделимы от мифа и всей сферы символического» [6, с. 644]. Текст о Венеции становится как бы новым метафизическим пространством города: это та же Венеция, но отраженная в зеркальной глади воды:

*Sei bella, Venezia,
che bella ti desti
dal fondo del mare,
in cui padrona ti specchi.
Il mare t'inargenta e l'onda fugge;
il mio occhio mira e rimira,
mentre il silenzio mi parla.*

Luca Vincenzo Simbari. A Venezia (Лука Винченцо Симбари. В Венеции) [9].

«Ты красива, Венеция, / какая красивая ты подымаешься / с глубины моря, / в котором ты, Госпожа, отражаешься. / Море тебя серебрит, и волна бежит. / Глаз мой любит и созерцает, / в то время как тишина со мной говорит» (*перевод автора – И. Х.*).

Что впечатляет, прежде всего, в Венеции сегодня – это карнавал, который находится «на границах искусства и жизни» [1, с. 15], выходит за рамки обычной жизни: «в карнавале сама жизнь играет, разыгрывая – без сценической площадки, без рампы, без актеров, без зрителей, то есть без всякой художественно-театральной специфики – другую свободную (вольную) форму своего существования, свое обновление и возрождение на лучших началах» [Там же, с. 16]. Город открывает перед нами ворота времени [8]:

*L'aria profuma di festa,
dolciumi, risa e burla
fan da sfondo
e l'atmosfera gioiosa resta.*

Monia Cacciero. Maschere a Venezia (Мония Каччеро. Маски в Венеции) [9].

«Воздух наполнен праздником, / кондитерские изделия, смех и шутки / создают фон, / и радостная атмосфера остается» (*перевод автора – И. Х.*).

Улицы города, площади, кафе, каналы – все становится площадкой, на которой происходит главное действие: Венецианский праздник! Мы видим персонажей пьес Карло Гоцци, гуляющих по улицам города. Это венецианцы Панталоне и Коломбина, также «Доктор, который родился в Болонье, Арлекин из Бергамо и Бригелла из Брешии. Пульчинелла – из Неаполя, Менегино родом из Милана, Фаджолино из Болоньи, Стентерелло – флорентиец, Паскариелло – римлянин» [4, с. 29]. Сказка становится чудесной реальностью:

*Ecco Arlecchino servo sbadato e sguaiato
che di pezze il suo vestito è cucito,
salta, canta e sorride ai Signori,
ma ne fa davvero di tutti i colori.*

*Intelligente, abile ed inetto
è Pulcinella nel suo napoletano perfetto.*

*Si fa largo Balanzone
ciarliero e dottore saccente,
ma molto spesso truffa la gente.
Burbero e brontolone
fa credere di essere un gran sapientone,
vantandosi del suo sapere appena si presenta l'occasione.*

*Ma il vero "paron" di casa è il vecchio mercante veneziano,
avaro, bizzarro, autoritario e pure brontolone:
il suo nome è Pantalone.*

*C'è poi Brighella servo furbo e attaccabrighe
insieme alla graziosa e vivace Colombina,
servetta briosa e alquanto furbina.*

Monia Cacciero. Maschere a Venezia (Мония Каччеро. Маски в Венеции) [9].

«Вот Арлекино, слуга – разиня и грубиян, / у него костюм сшит из кусков, / он прыгает, поет и улыбается Господам, / и делает это действительно красочно. / Умен, ловок и нелеп / Пульчинелла на своем совершенном неаполитанском. / Появляется Баланzone / болтливый доктор и всезнайка, / но он очень часто обманывает людей. / Неприветливый и ворчливый / заставляет верить, что он большой умник, / хвастается своим знаниями, как только ему представляется возможность. / Но настоящий «хозяин» дома – старый венецианский торговец, / жадный, причудливый, властный и ворчливый: / имя его Панталоне. / Вот и Бригелла, хитрый слуга и задира, / вместе с очаровательной и веселой Коломбиной, / служанкой остроумной и довольно хитрой» (*перевод автора – И. Х.*).

Карнавал не оставляет в стороне никого, он захватывает каждого, кто приезжает в эти дни в город: «Карнавал не созерцают, – в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальная. От него некуда уйти, ибо карнавал не знает пространственных границ. Во время карнавала можно жить только по его законам, то есть по законам карнавальная свободы. Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны» [1, с. 15]:

*Questa é Venezia
che del suo Carnevale
ne ha fatto un evento davvero originale.*

Monia Cacciero. Maschere a Venezia (Мония Каччеро. Маски в Венеции) [9].

«Это Венеция, / которая своим Карнавалом / создала событие действительно оригинальное» (перевод автора – И. Х.).

Но не только карнавал является событием в Венеции, сама возможность приезжать и жить в Венеции становится событием. Венеция для тех, кто считает себя венецианцами, становится путеводной звездой:

*Un lieve venticello e un filo di luna
la gondola fa la ninna nanna al gondoliere
non c'è nessuno che resiste all'incanto,
Il mare, calli nascoste, i canali e le terrazze,
Venezia mia fai svanire ogni pena dal cuore,
in te brilla una stella
da sempre guida da te tutti i tuoi figli.*

Bruno Gasparri. La mia Venezia (Бруно Гаспарри. Моя Венеция) [Там же].

«Легкий ветерок и лунная полоса, / гондола убаюкивает гондольера, / нет никого, кто сопротивляется очарованию. / Море, скрытые улочки, каналы и террасы, / Венеция моя, ты можешь снять любую боль в сердце, / в тебе горит звезда, / вечный маяк для всех твоих детей» (перевод автора – И. Х.).

Снимая маску, Венеция как будто прячет истинную часть себя. Только витрины магазинов и картины художников напоминают нам о карнавале. Вспоминаются слова М. Хайдеггера, что истина совершается «как первозданный спор просветления и сокрытия» [7, с. 165]. Какая Венеция подлинная? Лев загадочно смотрит со своей высоты на площади Сан Марко, приглашая к диалогу:

*Io in questa città di fiaba
luna di miele per Amanti
scrivendo ad Arte di Lei
penso a Te
Amore mio ed al volar dei Tuoi sorrisi
trasformati in piccioni nel cielo di San Marco*

Vincenzo Capitanucci. Venezia Amore mio (Винченцо Капитануччи. Венеция, Любовь моя) [9].

«Я в этом сказочном городе / в медовый месяц для Влюбленных / пишу Искусству о Ней / и думаю о Тебе, Любовь моя, и о полете Твоих улыбок, / превратившихся в голубей в небе Святого Марка» (перевод автора – И. Х.).

Праздник завершается, пора уезжать, но даже в последние часы и минуты в Венеции хочется сказать:

*Venezia! l'ultima ore é venuta <...>
a Te, Venezia, l'ultimo canto, l'ultimo bacio, l'ultimo pianto! <...>
Ramingo ed esule sul suol straniero,
vivrai, Venezia, nel mio pensiero,
vivrai nel tempio qui del mio core
come l'immagine del primo amore.*

Arnaldo Fusinato. Le ultime ore di Venezia (Арнальдо Фузинато. Последние часы Венеции) [Там же].

«Венеция! Последний час настал! <...> / Тебе, Венеция, последняя мелодия, последний поцелуй, последний плач! <...> / Я странствующий скиталец на чужой земле, / ты будешь жить, Венеция, в моих мыслях, ты будешь жить здесь, в храме моего сердца, / как картина первой любви» (перевод автора – И. Х.).

Кто полюбил Венецию, для кого встреча с этим городом стала событием, изменившим его представление о себе и о мире, может сказать: «Событие, ставшее звеном жизненного пути (встреча, любовь, разлука), теряет статус случайного» [3, с. 41], такое событие становится судьбой.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4 (2). Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Рабле и Гоголь. 752 с.
2. Грякалов А. А. Письмо и событие: эстетическая топография современности. СПб.: Наука, 2004. 484 с.
3. Исупов К. Г. Русская эстетика истории. СПб.: Изд-во ВГК, 1992. 156 с.

4. Муратов П. П. Образы Италии. М.: Республика, 1994. 592 с.
5. Тимофеева Е. Н. Сопоставительный анализ в обучении переводу художественных текстов. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. 97 с.
6. Топоров В. Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.
7. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М., 2008. 528 с.
8. Хольмстрем И. Н. Стратегия интерпретации французского поэтического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3. Ч. 1. С. 187-189.
9. <http://www.poesieracconti.it> (дата обращения: 02.03.2013).

VENICE AS EVENT IN ITALIAN POETRY

Kholmstrom Irina Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
ikhholmstrom@mail.ru

The author considers contemporary Italian poets' poems devoted to Venice, and shows that the meeting with the city: its history, architecture, carnival, music, painting and literature – is the main event, receiving its completion in poetic lines, in intertextual interactions with other works that make up the “Venetian text” of the Italian lyrics.

Key words and phrases: Venice; event; Italian poetry; Venetian text; intertextual connections.

УДК 811.133.1'37

Филологические науки

В статье выявлена ведущая роль французского арго в заимствовании арабской лексики и в формировании значений, с которыми она употребляется, перейдя во французское общеупотребительное просторечие. Проанализированы слова арабского происхождения, функционирующие сегодня в молодежном жаргоне Франции, а также приведены доказательства того, что данные слова со временем могут перейти из сферы ограниченного употребления в общеупотребительное французское просторечие.

Ключевые слова и фразы: французское арго; просторечие; заимствование; лексикализация; дериват; значение.

Черкасова Анастасия Павловна

Волгоградский государственный университет
berin@yandex.ru

ПУТИ ЗАИМСТВОВАНИЯ АРАБСКОЙ ЛЕКСИКИ ВО ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК, ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ[©]

Заимствование из одного языка в другой – это постоянный процесс, вызванный тесными контактами народов. Развитие военных и экономических связей Франции со странами Магриба в XIX веке, последовавшая миграция магрибинского населения на территорию Франции – все это способствовало заимствованию во французский язык арабской лексики.

Анализируя арабские заимствования во французском языке, мы отметили две основные тенденции: 1) заимствование арабской лексики в стандартный французский язык; 2) заимствование арабской лексики во французское арго (язык отдельных социальных групп).

В базовом французском толковом словаре *Le Grand Robert* [7] мы находим стилистически нейтральные заимствования из арабского языка, обозначающие географические, климатические, культурные, бытовые и религиозные реалии стран Магриба, например, *babouch* «туфли без задника», *casbah* «цитадель», *chechia* «головной убор», *couscouis* «кускус», *souk* «традиционный восточный базар», *tajine* «арабское блюдо». Но наряду с основным значением порой встречается второе, имеющее отрицательную коннотацию, с которым слово функционирует во французском просторечии. Это связано с тем, что арабские слова, вошедшие в стандартный французский язык, используются и во французском арго, но чаще всего в негативном значении. Со временем использование арготичной лексики перестает ограничиваться особыми социальными кругами, происходит проникновение в общеупотребительное просторечие – язык неформального общения (*français populaire*), при этом сохраняется отрицательная коннотация. Так, лексема *bédouin* в стандартном французском языке имеет значение «житель пустыни, кочевник», в просторечном французском – значение «грубый человек», употребляемое по отношению к арабам [Ibidem].

Чаще всего лексика арабского происхождения заимствуется во французское арго. В период колонизации стран Магриба большое количество арабских слов было заимствовано во французское военное арго, при этом утрачивалось основное значение, слово использовалось для обозначения предметов военной реальности: